

Он смутно почувствовал давление на свое тело. Это не было сокрушительным давлением, но было неприятно. Когда к Ослану начали возвращаться чувства, он услышал тихий звук приближающихся шагов. Всхлипывая — кто-то плакал. Ослан почувствовал, как на него давит еще большее давление. Ему удалось открыть глаза в щелки и увидеть размытую фигуру. Они осторожно склонились над ним, выливая на него что-то из своих рук. Судя по тому, как они стучали и ощущались на нем, он догадался, что это камни.

Он ничего не мог сделать, поскольку камни продолжали падать на него. Единственное, что он мог сделать, это слушать тихий плач человека, стоящего над ним, который с каждым моментом начинал становиться все отчетливее. Это была девочка. Но кто? Он с трудом мог вспомнить, где он находится и почему его тело охватила такая тупая боль.

Затем один из камней выпал из кучи на его груди и приземлился на определенное место на животе. Свежая, сотрясающая боль пробежала по его нервам. И все же его тело по-прежнему отказывалось двигаться. Все, что он мог издать, это тихий стон.

Раздался вскрик, и он увидел, как размытая фигура над ним исчезла. Камень, отброшенный ее каблуком, отскочил от его лица. Он дернул пальцем. Затем вся его рука сумела пошевелиться, когда он пошевелил локтем. Медленно он начал приходить в сознание и подвижность. Ослан повернул голову и увидел девушку, стоящую неподалеку и наблюдающую за ним широко раскрытыми глазами. Он помнил ее: Арда. К нему вернулись воспоминания. Была драка с ехидной... и кончилось вот так.

Сухие губы Ослана приоткрылись, но он не нашел в себе сил произнести через них слова. Он снова подвинул руку. На этот раз ему удалось поднять его с земли. Медленно он поднес руку к животу и оттолкнул камень. Смещение его плеча привело к тому, что груды на его груди стала несбалансированной. Руки Арды подлетели ко рту, когда куча стала нестабильной. Она вскинула руки, словно пытаясь поймать падающие камни, хотя находилась еще в нескольких шагах от них.

Ослабленная свая рухнула, камни разлетелись во все стороны. Некоторые из них упали ему на живот. На этот раз Ослан проснулся достаточно, чтобы почувствовать мучительную тяжесть каждого из них. С криком, который не смогли заглушить даже далекие грохоты волн, он бросился на бок. Его левая нога свернулась от боли, и он прижал сжатый кулак к горящему животу. Девушка подбежала к нему.

После нескольких дрожащих вздохов Ослан расслабился, откинувшись на землю. Девушка присела рядом с его головой. Его прикрытые глаза смотрели на ее грязные, потертые туфли. — Х... х... — прохрипел он хриплым голосом. "Сколько?"

«Блуди!» — ахнула девушка. «Я думал, ты наверняка поплывешь к другим берегам!» Ослану потребовалось время, чтобы мысленно проанализировать ее сильный акцент. Она заставила Андрика звучать как житель континента.

«Как долго... я был в таком состоянии?» - прошептал Ослан.

«Прошло уже два дня», — ответила Арда.

— Ты был здесь все это время?

«Нет! После того, как ты рухнул на землю, я бросился за помощью! Кричал об умирающем человеке на берегу: «Ой, нужна помощь! Пришли какие-то люди. Взяли тебя и встряхнули». Сказал мне: «Арда, дорогая, это мертвец». Я думаю, они правы, вокруг тебя столько грязи!»

Она прервала свою болтовню, чтобы вытереть влажные щеки. «Они оставили тебя здесь. Я не мог. Хотя я бы тебя похоронил, по крайней мере, я мог бы это сделать».

Так что они просто планировали оставить его тело раздуваться там, на берегу, если бы он действительно умер. Эта мысль не совсем обрадовала его. «В следующий раз, когда вы планируете кого-то хоронить, сначала проверьте, нет ли у него пульса», — сказал Ослан, тщательно перекатываясь на спину. Все было так больно. «Тебе было опасно приходиться одному».

«Вот это вещь!» - воскликнула Арда. «Мельсина ушла! Ты ее напугал, да! После того, как она тебя сбила, она просто продолжала сдирать кожу! Не отступала и ничего!»

«Она не уйдет надолго», — прохрипел Ослан. «Я ранил ее. Она ушла лечиться, но вернется». И ему повезло, что он проснулся до того, как она вернулась и прикончила его.

Глубоко вздохнув, он сдвинул локти и толкнул себя вверх. Едва он поднялся на волосок, как боль стала сильнее, чем он мог вынести. Он откинулся назад, издав жалобный всхлип, и был рад, что остальные не услышали его. Деликатно, дрожащей рукой он коснулся края раны на животе. Плоть вокруг него была опухшей и горячей. Оно было заражено. Благодаря своим усиленным телам ведьмаки редко болели инфекциями. Но нестерилизованная ткань лежала там слишком долго. Он собирался продержаться там всего час или около того, просто чтобы остановить кровотечение.

Ослан почувствовал, как рука Арды мягко скользнула ему под плечо. «Тебе нужна помощь, чтобы сидеть?»

Он кивнул, снова готовя руку, чтобы подтолкнуть его вверх. «Да. Совсем немного. Ровно столько, чтобы я мог видеть свой живот».

«Какой ужасный вид! И от него вонь идет!»

Она была права. Инфицированная рана источала гнилостный запах. Ослан закрыл глаза, пытаясь успокоиться. Он пытался бросить вызов растущему голосу в своей голове, который говорил ему, что он умирает. «Помоги мне подняться». Он прижался к земле, тяжело выдохнув, борясь с болью. Арда приподнялась у него на плече. Им удалось подпереть его локтем. Ослан посмотрел на свой живот, и от этого зрелища у него закружилась голова.

Кольцо плоти вокруг раны раздулось и превратилось в бледную, опухшую плоть. Все остальное за пределами этого имело насыщенный красный оттенок. Внутри воспаленной раны Ослан мог видеть ткань, все еще влажную от старой крови и гноя. На мгновение отчаяние затуманило его рассудок, и он быстро нагнулся, чтобы вытащить ткань. Оно не сдвинулось с места, прилипло к его коже и внутренностям запекшейся кровью. Его пронзила ужасная, сильная боль. Ослан крикнул сквозь стиснутые зубы и быстро опустил руку обратно на землю, чтобы удержать равновесие.

— Что ты делаешь? Арда плакала.

«Мне нужно вытащить это... иначе оно не заживет», — сумел выдать Ослан сквозь зубы.

«Нельзя просто так это собирать! Его нужно сшить! И почистить!» Она положила руки на руку Ослана, когда ведьмак начал колебаться. «Нам нужно, чтобы ты достал меня! Там полно вещей, которые помогут тебе сообразить».

«Я не могу пошевелиться», — простонал Ослан. "Моя нога..."

Арда взглянула на него, но быстро отвела взгляд. «Я знаю», — прошептала она. «Я-я...»

«У меня есть... зелье...» Ослан потянулся, чтобы отстегнуть рюкзак от груди. Арда помогла ему вытащить его из-под себя. Но когда он открыл мешочек со своими флаконами, оттуда сочились только битое стекло и густая жидкость. Дрожащие пальцы ведьмака коснулись струй смешанных зелий, вытекающих из мешочка. Что теперь?

Арда снова заплакала. «Вы не можете умереть, сэр! Не тогда, когда вы спасли мне жизнь!»

Мышцы шеи Ослана напряглись, когда он сглотнул. «Я не умру, Арда. Не волнуйся. Мне нужноправить ногу. Ты мне поможешь?»

— С-сет й-л-ле... — пробормотала Арда сквозь слезы. Она провела по лицу большим пальцем. «Н-хорошо, я тебе помогу. Что тебе нужно, чтобы я сделал?»

«Держись за мою ногу прямо под коленом». Арда подвинулась так, чтобы следовать его указаниям. «Держи крепче. Не позволяй ему двигаться». Ее крошечные ручки не смогли обхватить его ногу, поэтому вместо этого она держала ее по обе стороны. Ослан заставил себя сесть, выпуская боль в контролируемом стоне. Он сунул одну руку под сгиб колена, а другую положил на бедро прямо под переломом. Он сделал пару быстрых вдохов через рот, сжал челюсти и толкнул. Медленно кость начала двигаться, издавая тошнотворный органический треск.

Ослан пытался промолчать ради Арды, но не смог удержать сдавленный крик, сорвавшийся с его губ. Он глубоко и изможденно вздохнул и задержал дыхание, продолжая тужиться. Слезы текли из уголков его прищуренных глаз, прорезая бледные линии сквозь грязь и кровь. Арда смотрела на него широко открытыми от беспокойства глазами, но ничего не сказала, сосредоточившись на том, чтобы удержать его ногу неподвижно. Последним мучительным толчком кость вернулась в правильное положение. Даже тогда его нога выглядела совсем не так: сломанная кость расколола ногу и брюки, так что даже сейчас он мог видеть всю белую бедренную кость.

Он убрал руку с бедра, чтобы удержаться. Его голова была опущена, и он хватал ртом воздух, изо всех сил пытаясь оставаться в сознании. Сердцебиение застряло у него в горле, перехватывая дыхание.

«Арда... помоги мне подняться...»

Лица их были спокойны, но по глазам он мог сказать, что они не лелеют мысли о том, чтобы приютить ведьмака, раненого или нет. Арда умоляла своих родителей, пока они наконец не согласились.

«Он остается в сарае», — заявила ее мать.

«Бут Ма !» Арда громко спорила.

«Все в порядке. Меня это устраивает», — мягко вмешался Ослан. Обняв девушку одной рукой, он дохромал до небольшого сарая за домом. Оказавшись внутри темного, затхлого здания, он рухнул на старую солому, прикрывая одной рукой живот. Он увидел, как Арда быстро метнулась: зажгла фонарь, отодвинула в сторону деревянные ящики и вытащила толстое шерстяное одеяло.

— Мы использовали это для коровы зимой, — быстрым голосом объяснила Арда, выбрасывая одеяло и накрывая ведьмака. «Но она сдала экзамен только в этом месяце, так что сейчас ей это не нужно». Ослан слабо пробормотал благодарность. Арда остановилась, чтобы осмотреть его. Его глаза были опущены, и казалось, что он вот-вот заснет. Это было хорошо. Ему нужен был отдых после всего, что произошло. Она никогда не видела, чтобы кто-то действовал так смело, до и после того, как Мелюзина его покалечила. Она могла сказать, что обратный путь в деревню был трудным. Ведьмак старался выглядеть хорошо, но она слышала его тяжелое дыхание, пока они медленно шли по берегу.

«Я пойду за этой дамой из аптекайри», — предложила Арда. «У нее наверняка есть такие замечательные волосы и набор иголок». Потом она поняла, что он ее не услышал, так как крепко спал.

Открыв глаза, он даже не заметил, что снова потерял сознание. Или, может быть, это был глубокий сон; Ослан не был уверен. Он смутно осознавал время суток: легкий и сладкий запах утренней росы доносился из открытого окна. Повернув голову, он вдохнул нежный землистый аромат, и он прояснил его одурманенную голову. Сегодня боль была вполне терпимой. Но это могло быть потому, что он только что очнулся от сна.

Он вспомнил о инфицированной ране и проклял себя за то, что не обработал ее, прежде чем уйти. Ослан не знал, как долго он отсутствовал на этот раз. Он широкими взмахами стянул тяжелое одеяло и приподнялся. Под одеялом он обнаружил перевязанную и закрытую рану. Удивленный, Ослан протянул руку и провел пальцем по стежку. Отек значительно уменьшился. Нога его тоже была перевязана и пахла сильными травами.

Он услышал приближающиеся шаги. Дверь скрипнула и вошла Арда, таща ведро и сумку. И только когда она закрыла дверь и повернулась, она заметила, что за ней наблюдают светящиеся глаза. "Ой!" — тихо воскликнула она. «Да, упс».

"Ты сделал это?"

«Нет, это была Розель. Она ходит за волосами и другими ингредиентами в Пот-Кайри. Я приду сюда и подлечу тебя», — объяснила Арда, ставя ведро и сумку рядом с Осланом. Из мешочка исходил похожий запах трав. «Когда она взглянула на твой желудок и ногу, она покачала головой. Поразилась, что ты не умер, а она была. Сказала, что если бы кровь вытекла, тебя бы не убили». да, эта инфекция должна быть».

Пока она говорила, Ослан наблюдал за ней. У него наконец-то появилась возможность по-настоящему взглянуть на нее, теперь, когда его зрение не было затуманено болью. Она была пухлым маленьким ребенком, на вид ей было чуть больше десяти лет. Ее темные волосы свисали невыразительными локонами вокруг круглого лица и плеч. Она... ну, она не была уродливой, но выглядела далеко не впечатляюще. Когда эта мысль пришла Ослану, его сразу же охватило чувство вины. Кто он такой, с его пронзительными, нечеловеческими глазами, чтобы судить?

"Что ты делаешь?" он спросил.

«Розель сказала дважды в день промывать желудок чистой водой и заливать его чистым лекарством», — ответила Арда, опуская тряпку в ведро.

— Ты только что присматривал за мной? Ослан вспомнил своих родителей. Маловероятно, что они будут относиться к нему с таким же гостеприимством, как к своей дочери.

— Я, мама и папа, напуганы ведьмаками, — сказала Арда, ее голос стал тише. Она начала мягко промокать зашитую рану мокрой тряпкой. «Многие люди такие. Это было пару лет назад. Ужасно, что кто-то перешел дорогу. Ослан задавался вопросом, кем мог быть этот ведьмак. Наверняка не тот, кого он знал.

«Но ты другой», — продолжил Арда, щедро намазывая рану тушеными травами. Ослан заметил румянец на ее щеках. «Вы спасли меня от краха. Никто никогда не делал для меня ничего подобного». Ослан промолчал, решив, что лучше не упоминать о том, что ее отец просил его об услугах. Он задавался вопросом, как ему избежать неловкости, связанной с необходимостью требовать оплату позже. Он не хотел этого делать, но ему нужно было поддержать себя и гильдию.

— Могу я спросить у вас что-нибудь, ведьмак-с?

«Конечно», — сказал Ослан. Отец описал ее как застенчивую, но сейчас она казалась особенно болтливой. Или, может быть, это произошло потому, что она до сих пор не нашла подходящего человека, с которым можно было бы поговорить.

Арда колебалась. Ослан практически мог видеть мысли, крутящиеся в ее голове. — Ты... ты много путешествуешь?

«Да», ответил Ослан. «Я не смогу найти много работы, если останусь на одном месте слишком долго».

«Понятно», — мягко ответила Арда. Она опустила глаза. «Ты уйдешь, когда поправишься?»

«Возможно. Хотя я останусь на Спикероге ненадолго. Может быть, пойду немного на юг, чтобы посмотреть, что там».

— Ты... думаешь, что сможешь взять меня с собой?

Ослан ответил на ее вопрос молчанием. Затем он сказал: «Почему ты хочешь уйти?»

«Я просто... это многое объясняет...»

«Я собираюсь побыть здесь какое-то время. Ты можешь мне сказать».

Арда бросила взгляд через плечо на окно и дверь, а затем снова повернулась к Ослану. «Ну... мне здесь не приятно».

— Почему? Твои родители?

«Не просто так... Множество причин. Остальные дети, особенно Клерна, я им вообще не нравлюсь. Всегда дразнят меня, стреляют в меня всякими ужасными вещами. Говоришь такие вещи, как Ой, Арда, да Должно быть, брюхо круглее, чем у суклинской свиньи! Должно быть, он издевается над корытом! На следующий день...» Глаза Арды стали стеклянными. «На днях, среди остальных, Клэрна начала громко стрелять в ухо другим. Она немного старше меня, понимаешь, и она говорила: «Ой, как только у меня начнет расти грудь, они» "Я посмотрю картошку в моем платье из мешка из-под картофеля. Там был мальчик, Фрей. Я всегда немного стесняюсь его, потому что он "и такой парень. Но когда Клэрна сказала это", он там смеялся" Я тоже вбежал и заплакал, вот и все.

Ослан нахмурился, слушая девушку. Его детство было испорчено Испытанием и всеми

мутациями, но с ним всегда были братья. Он никогда не колебался из-за них. Но насколько жестоко, представлял он себе, было бы, если бы вместо этого все остальные мальчики набросились на него? Изгнал его? Заставило его почувствовать себя еще большим уродом, чем он был раньше? Он всегда думал, что нет более жестокого детства, чем у ведьмака, но теперь он осознал особый ад Арды.

«Мне очень жаль», — прошептал он ей. «То, что они тебе говорят... Надеюсь, ты знаешь, что это неправда».

«Я не знаю», - грустно прошептала Арда, держа руки на коленях. Ее голова была склонена, но Ослан слышал, как слезы катятся по ее щекам. «Может быть, они и правы. Лото-девочки красивее меня. Фрей не заботится обо мне — я видел, как он разговаривает и смеется с этими девочками». Она шумно фыркнула. Она натянула рукав на руку и вытерла лицо.

«Арда...»

— Ладно, сэр ведьмак, — тихо пробормотала Арда, взяла ведро и встала, готовая уйти.

«О чем ты любишь читать?»

"Хм?" Наконец девушка посмотрела ему в глаза.

«Тебе нравится читать, да?» Ее отец упомянул, что она пошла в сарай читать. Ослан указал на табурет, на котором она сидела. «Садись. Какие книги тебе нравятся?»

Девушка опустилась обратно, держа ведро на коленях. «Мне нравится... ну, вообще-то, я люблю все. В основном истории о далеких землях и героях». Арда смущенно пожал плечами. «Это глупо, я знаю. Ма говорит, что я просто трачу время на эти книги. Она говорит, что девочка моего возраста должна учиться готовить и шить для будущего человека. Сапоги они делают Я счастлив. Я просто теряюсь в этих страницах и думаю о чем-то еще.

"Я понимаю." Ослан сделал паузу, погружившись в глубокие размышления. Арда какое-то время смотрела на него, а затем снова поднялась на ноги.

«Вам лучше всего быть на ступеньках ниже лестницы», — отметила она. «Я пойду принесу тебе кусочек». Она поспешила из сарая. Как только она ушла, Ослан откинул голову на солому и глубоко выдохнул через нос. Его рука вернулась к животу, кончики пальцев едва касались сшитой кожи. Он пытался подсчитать, сколько времени ему понадобится, чтобы выздороветь настолько, чтобы он мог относительно легко ходить и передвигаться. У него не было Ласточки, которая могла бы ускорить процесс — все его зелья были разбиты о камни.

Голоса привлекли его внимание. Они шли из дома, но он мог слышать каждое слово. Это была мать Арды. Она говорила горячим тоном, говоря дочери, что ведьмака надо выгнать из сарая, что Арде не следует проводить так много времени с мутантом. Она потребовала, чтобы Арда рассказала ей, что она делает с этой едой. Ослан услышал голос Арды, возражавший, что мужчина не ел все время, пока находился в сарае. Она была на середине предложения, когда мать прервала ее, упрекая за то, что она так открыто ведет себя по отношению к мужчине. Как они собирались ее выдать замуж, если она испортила свою репутацию перед мутантом? Ей не было стыдно? Неужели она совсем не заботилась о чести своей семьи? Арда сопротивлялась, говоря, что ведьмак спас ей жизнь и что она должна позаботиться о его выздоровлении, но ее голос становился все слабее и слабее.

Ослану отчаянно хотелось встать. Ему хотелось прийти к этому дому, независимо от того,

приветствуют его или нет, и кричать в лицо этим дуракам. Разве ты не видишь, что ты с ней делаешь?

«Если ты отнесешь эту тарелку мутанту Арде, мы с твоим отцом бросим твои книги в очаг».

Наступила пауза. Ослан прислушивался к ускоряющемуся сердцебиению девушки.

«Н-хорошо!»

Поспешные шаги. Ослан откинулся назад, когда дверь открылась, пытаясь вести себя так, как будто он не слышал всего разговора. Он поднял голову, когда Арда подошла к нему и поставила рядом с ним тарелку. На нем лежала небольшая буханка семенного хлеба и кусок вяленого мяса. Ослан задавался вопросом, достаточно ли зажил его желудок, чтобы переваривать твердую пищу. Но опять же, голод глозал его так, что повторное открытие раны казалось незначительным.

«Спасибо, Арда». Девушка кивнула, но в ее глазах он увидел беспокойство. Хотя он уже знал причину ее беспокойства, он спросил ее, все ли с ней в порядке.

«Да, со мной все в порядке», — тихо ответила она. Она подняла руки и обвила ими себя. «Я должен оставить тебя на отдых». Она поднялась и подошла к дверям.

«Арда». Она остановилась и взглянула на него. «Никто не проявил ко мне такой доброты, как ты. Я не могу передать тебе, насколько я благодарен».

Легкая улыбка тронула ее губы. Арда повернулась и быстро выскользнула из сарая.

Поев, Ослан снова погрузился в блаженный сон. Была уже поздняя ночь, когда он проснулся и рыдал. Попрошайничество. Он узнал голос Арды. Тревога ускорила его пульс. Он сел, отбросив одеяло в сторону. Нога не позволяла ему идти дальше, поэтому все, что он мог сделать, это слушать и видеть, что происходит.

Когда он услышал их голоса, он понял. Они говорили ей, что это сделано для ее же блага. Что ей нужно усвоить урок. Ведьмак был опасен, и они делали это, чтобы защитить ее. Сквозь их голоса Ослан услышал потрескивание пламени, пожирающего бумагу, треск обработанной кожи, раздираемой жаром.

Она плакала, умоляя их остановиться. Она пообещала, что будет подчиняться им. Пламя шипело, когда их кормили еще.

Все, что он мог сделать, это сидеть и слушать, сжав руки в кулаки. Это казалось вечностью. Наконец все затихло. Он все еще слышал ее, ее рыдания были приглушены, когда она плакала в подушку. Ослан закрыл глаза и закрыл лицо руками. Эта боль, которую он чувствовал сейчас, была хуже всего, что он пережил до сих пор. Он все еще мог слышать ее — единственного человека, который когда-либо смотрел на него как на нормального человека.

Ему пришла в голову идея. Ослан потянулся к своей сумке и вытащил небольшой дневник. Его обложки были немного потрепаны, но в остальном он хорошо сохранился после боя, произошедшего несколько дней назад. Ему было приказано использовать его как личный кодекс — для записей о монстрах, животных, ингредиентах и обо всем остальном, что ему нужно было записать. Ослан так и не удосужился заполнить ни одну страницу. Не было необходимости. До настоящего времени.

Внутри обложки лежали тростниковая ручка и пакетик с угольной пылью. Ослан перевернул первую страницу и окунул заостренный кончик ручки в черную пыль. Он сделал паузу, чтобы подумать, а затем начал писать.

Он писал о достопримечательностях, которые видел во время путешествия. Далекие земли в его повседневной среде. Он писал о мерцающей воде, которую ему пришлось прорезать на своей лодке, об ощущении тошноты, когда корпус перепрыгивал волну, о ледяных брызгах на его лице, когда нос корабля снова ударился о стеклянную поверхность.

Он писал о танцах с монстрами, о смертоносных, волнующих танцах. Его клинок будет его проводником, а его тело будет просто следовать за ним. И когда побежденное чудовище лежало у его ног, он чувствовал, как по его венам течет прилив гордости.

Он писал о прохладных весенних дождях и о наблюдении за дождем из-под каменной ниши. Гром грохотал в далеком небе под стук каждой капли, падающей на землю. Птица, спрятанная где-нибудь под навесом из листьев, пела в гармонии с дождем. Воздух будет пахнуть свежестью по сравнению с соленым привкусом океана.

Его ручка скользила по поверхности грубой бумаги, заполняя страницу за страницей. Он воссоздал для нее каждую деталь, каждую унцию чувства. Он хотел, чтобы она тоже была там. Он хотел, чтобы она сбежала на страницы.

Наконец, на последних двух листах Ослан написал о борьбе с ехидной. Он писал о том, как чудовище оставило его умирать на берегу, и о том, каким ужасом и одиночеством он себя чувствовал. А потом была девушка, красивая девушка, которая спасла ему жизнь. Она проявила к нему доброту, которой он никогда не знал, и он никогда ее не забудет.

Ослан поцарапал ручку о дно сумки. С последним куском угля он перелистнул последнюю страницу и написал:

Спасибо, Арда

— Ослан

Книгу положили на солому, где он лежал. Когда ночь медленно сменилась рассветом, он вытащил себя из сарая и прочь от деревни, пока не достиг небольшого участка леса, чтобы отдохнуть. Он убедился, что находится достаточно далеко, чтобы не причинить вреда. Она снова со своей ненормальностью.

<http://tl.rulate.ru/book/100012/3414166>